

**ВЕСТНИК
ЧЕЛЯБИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Основан в 1991 году

Серия 10
**Востоковедение
Евразийство
Геополитика**

1/2002

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Г.В.Сачко
ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – Д.Г.Пазий
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – Д.А.Сапунов

Члены РЕДКОЛЛЕГИИ:

Н.Н.Алеврас,
В.Д.Батухтин,
Г.Б.Зданович,
А.И.Казанцев,
А.Г.Палкин,
Б.Г.Фаткулин

Редколлегия благодарит Международный некоммерческий фонд «Центр геополитических экспертиз» и его президента А.Г.Дугина за финансовую поддержку в издании журнала

Страницы журнала открыты для дискуссионных материалов, содержание которых не обязательно отражает точку зрения редколлегии.

Редакторы: В.Ф. Репецкая, Л.Л. Шигорина

Компьютерная верстка О.Ю. Мисевра

Адрес редакционной коллегии:
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
Тел.: 42-12-47

Сдано в набор 20.05.02. Подписано в печать 20.06.02. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага писчая. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 17,6.
Усл. печ. л. 20.06. Тираж 150 экз. Заказ Цена договорная

Журнал зарегистрирован в Упринформпечати администрации
Челябинской области. Рег. № 87.

Челябинский государственный университет
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Александр ТАИРОВ

Кочевники Южного Зауралья и Средняя Азия в конце IV – II в. до н.э.

С момента становления номадизма в евразийских степях устанавливаются прочные связи населения степной зоны Южного Зауралья с кочевым и оседлым миром Средней Азии. В основе этих связей лежала пастбищно-кочевая система, или посезонное распределение пастбищ и водных источников, с ее круглогодичным кочеванием в меридиональном направлении, с постоянными районами летних и зимних пастбищ (замкнутый цикл кочевания). В соответствии с этой системой, номады, проводившие лето в Южном Зауралье, на зиму перекочевывали в северное и северо-восточное Приаралье, на среднюю и нижнюю Сырдарью, в Приаральские Каракумы и Кызылкумы, низовья Чу и Сарысу¹. Здесь они соприкасались с кочевым и полукочевым населением, обитавшим в этих местах постоянно. Это население не обязательно было этнически отличным. В его состав могла входить часть кочевой народности или племенного объединения, по тем или иным причинам кочующая в этом регионе или осевшая и ведущая полукочевой или даже оседлый образ жизни. Расположение зимних пастбищ номадов Южного Зауралья вблизи земледельческих оазисов Средней Азии благоприятствовало активным контактам кочевого и оседлого населения, налаживанию тесных экономических и культурных связей. Любое же изменение исторической ситуации в Средней Азии, особенно близ традиционных зимних кочевий, неизбежно приводило к трансформациям в кочевом мире, в том числе и у номадов Южного Зауралья². Такое изменение исторической ситуации произошло в конце IV – начале III в. до н.э.

Вторжение в 329 г. до н.э. в Среднюю Азию армии Александра Македонского вызвало энергичное сопротивление местного земледельческого населения, на стороне которого выступили и кочевые племена. Среди тех, кто активно противостоял завоевателям, источники неоднократно называют номадов, обитавших за Сырдарьей. К ним на помощь пришли и кочевники соседних северных областей, в том числе, вероятно, и сарматы³.

Прежде всего, столкновение с хорошо организованной греко-македонской армией имело своим следствием значительные изменения как в вооружении, так и в тактике боя степных кочевников. Это в конечном счете, привело не позднее рубежа IV – III вв. до н.э. к появлению у номадов урало-аральского региона, в частности, кочевников Южного Урала, конницы бронированных пикейщиков – катафрактариев⁴.

Возможно также, что стычки южноуральских кочевников с греко-македонской армией, а позднее и с эллинизированными армиями государств Средней Азии привели к появлению у номадов новых форм оружия (местное подражание греческой махайре из могильника Старые Кишки) или деталей его украшения (ножны парадных мечей из 1 Прохоровского и Красногорского курганов). Таким же образом, вероятно, попали на Южный Урал и кирасы из 1 Прохоровского кургана и погребения 4 кургана 4 Бердянского V могильника⁵.

Б.И. Вайнберг очень осторожно выдвинула предположение, с которым, однако, вряд ли можно согласиться, что появление у сарматов Южного Приуралья на рубеже IV – III вв. до н.э. кинжалов с прямым перекрестием также было следствием военных событий в Иране и Средней Азии, в которых сарматы либо сами принимали участие, либо они восприняли новый тип оружия у среднеазиатских кочевников⁶.

Греко-македонское завоевание привело к значительному уменьшению численности населения Средней Азии, уничтожению производительных сил и материальных ценностей. Оно разорвало то единство оседлых и кочевых народов, которое существовало здесь в предшествующее время. Война за передел сатрапий, разгоревшаяся после смерти Александра между его полководцами, борьба Бактрии и Парфии за независимость вряд ли способствовали быстрому восстановлению хозяйства региона. Все это, естественно, не могло не сказаться на экономических связях оседлого мира Средней Азии с кочевниками.

Включение же около 306 г. до н.э. значительной части среднеазиатского региона в состав Селевкидского государства вызвало переориентацию торговли его земледельческого населения на запад и юг⁷. Торговые связи с кочевым миром были нарушены, поток сельскохозяйственной и ремесленной продукции, идущий на север, резко уменьшился. В этих условиях кочевники, крайне заинтересованные в торговле с оседло-земледельческими центрами, вынуждены были предпринять меры, обеспечивающие их жизненные потребности. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, стремление кочевников восстановить экономическое равновесие приводило к активному их вмешательству в междоусобную борьбу земледельческих государств, насильственному подчинению городов и сельской местности с целью получения необходимых продуктов

земледелия и ремесел в виде добычи или дани. Причем, как отмечает Т.А.Жданко, «процесс завоевания земледельческих областей кочевыми племенами в Средней Азии обычно сопровождался поселением значительной части этих пришлых племен среди местного оседлого населения и переходом их в новых условиях к полукочевой жизни или к оседлости. Это вызывало сильные этнические взаимовлияния, создавало этнические новообразования, сочетающие в себе элементы местного, оседлого, и пришлого, кочевого, населения, влекло за собой процессы ассимиляции и постепенной интеграции прежних кочевников»⁸.

С конца IV в. до н.э. идет активный процесс освоения номадами окраин земледельческих оазисов Средней Азии. Здесь они ведут свое традиционное кочевое хозяйство или переходят к полуоседлому или оседлому образу жизни. Процессу оседания на границах оазисов способствовали неблагоприятные климатические условия и относительная перенаселенность в степи⁹ и, что вполне допустимо, политика социальной верхушки кочевого общества, заинтересованного в продуктах земледелия и ремесла, в постоянном контроле земледельческого населения оазисов, особенно необходимом в периоды политической дестабилизации. Среди тех племен, которые появились в это время близ земледельческих центров Средней Азии, были, вне всякого сомнения, и номады Южного Зауралья – носители раннесарматской культуры.

Проникновение сарматского этнического компонента в глубь Средней Азии, в частности в Согдиану, началось еще в конце IV в. до н.э. в связи с их участием в борьбе с греко-македонским завоеванием. Продолжалось оно и позднее – на протяжении всего III в. до н.э.¹⁰ Известно, что в начале III в. до н.э. местное земледельческое население Согдианы при поддержке зяксартских саков (кочевников, обитавших на правом берегу Сырдарьи), воспользовавшись поражением Селевка в Индии, предприняло попытку сокрушить его господство. Возможно, в начале III в. до н.э. имело место и большое движение среднеазиатских кочевых племен, попытавшихся ликвидировать ряд форпостов селевкидской власти – основанных Александром Македонским городов-крепостей¹¹. В это время подверглись разрушению Александрия Эсхата и Александрия Маргианская. В ответ на это была послана карательная экспедиция под руководством стратега Селевка и Антиоха Демодама (между 293 и 289 гг. до н.э.), разгромившая восставших и проникшая за Яксарт. С целью обезопасить в будущем оазис Маргианы от нападения кочевников, Антиох приказал обвести его большой стеной, длиной около 250 км¹².

Присутствие сарматов в Согдиане находит и археологическое подтверждение. Так, концом IV – III вв. до н.э. следует, вероятно, датировать наиболее ранние погребения в могильниках Агалыксай (курганы 9 и 10) и

Акджартепе (курган 4) в районе Самарканда с сарматскими чертами в погребальном обряде и инвентаре. Последние включают могильную яму с заплечиками, южную ориентировку погребенных, железный меч с прямым перекрестием и рожковидным навершием, бронзовое зеркало с черешком и валиком по краю диска¹³.

С начала III в. до н.э. керамика, близкая по форме и технологии изготовления (примесь гальки – ?) южноуральской, появляется в Ташкентском оазисе (городище Шаштепа). Здесь же, на городище Шаштепа, исследованы захоронения с сарматскими чертами в погребальном обряде и инвентаре. Все это свидетельствует о проникновении в оазис сарматского этнического компонента, который принял участие в формировании каунчинского культурного комплекса¹⁴.

По-видимому, к этому же времени относится и начало продвижения сарматских (или сарматоидных) кочевых племен в Ферганскую долину с ее древней земледельческой культурой, высокоразвитым ремеслом и богатыми пастбищами предгорий. Особенно массовым оно было, вероятно, во II в. до н.э. в процессе сакского и юечжийского переселения. По мнению ряда исследователей, с сарматами (или «сарматоидными» племенами)¹⁵ можно, очевидно, связывать появление в юго-западных районах долины подбойных могил с южной ориентировкой погребенных, некоторые традиции изготовления керамики, отдельные категории погребального инвентаря (кинжалы, зеркала и т.п.)¹⁶. Как считает Б.А. Литвинский, «ретрансляторами» сарматской культуры на Фергану могло быть население Приаралья или «сарматоидные» племена долины Зерафшана (Согд)¹⁷. Однако не исключено, что некоторые изделия, имеющие близкие аналогии в сарматском мире, поступали в Фергану в результате торговых операций с кочевниками.

В середине III в. до н.э. кочевые племена даев (дахов) передвинулись к юго-восточным берегам Каспия и появились в Парфии. Здесь в результате успешного восстания, возглавляемого Аршаком, представители кочевой аристократии даев (или парнов) захватили власть в независимом Парфянском государстве. Во главе этого царства стала кочевая династия аршакидов (середина III в. до н.э. – III в. н.э.)¹⁸. О наличии сарматского компонента среди кочевников Северной Парфии свидетельствуют данные погребального обряда (погребения в катакомбах с южной ориентировкой погребенных) и инвентаря исследованных здесь курганных могильников¹⁹.

Однако все эти передвижения III в. до н.э., за исключением, вероятно, только переселения даев, вряд ли носили массовый характер. Скорее всего это было проникновение или просачивание отдельных немногочисленных групп. И лишь события II в. до н.э. привели к массовым передвижениям кочевых племен правобережья Сырдарьи, в том числе и южноза-

уральских кочевников, тех, которые продолжали кочевать по традиционным маршрутам после ухода значительной их части на юго-запад и запад. Определенное влияние на это передвижение кочевых племен Южного Зауралья на юг оказала, возможно, и обстановка на северных рубежах их кочевий, в зауральско-западно-сибирской лесостепи. С конца III в. до н.э. наблюдается новый, массовый приток саргатцев в лесостепное Притоболье, вызванный, вероятно, активным расселением в конце III в. до н.э. кулайских племен. Это передвижение саргатского населения с востока на запад вызвало распад гороховского племенного союза и, как следствие, активную ассимиляцию его этнических компонентов пришельцами²⁰.

Уже с конца III в. до н.э. орды кочевников, находящихся на границах земледельческих областей, представляли реальную угрозу для государственных образований Средней Азии. Одним из аргументов в пользу необходимости скорейшего заключения мирного договора с селевкидским царем Антиохом III правитель Греко-Бактрии Евтидем в 206 г. до н.э. выдвигал напряженное положение на границах, у которых стояли полчища «варваров», угрожавших и ему, и Антиоху III. В состав этих «варваров» входили, вероятно, и «сарматы» (носители сарматоидной культуры)²¹. Возможно, в связи с угрозой со стороны кочевников, в конце III–начале II вв. до н.э. сооружаются и оборонительные валы, в частности Кампыр-дувал, ограждавшие с севера оазисы Согда²². Возможно, в это же время на северо-западных границах Хорезма возводится пограничная линия типа «длинных стен», предназначенная для регулирования и контроля за процессами экономического обмена с кочевниками²³. Толчком же к массовому передвижению кочевников Нижней и Средней Сырдарьи в земледельческие области Средней Азии послужил, скорее всего, приток новой волны кочевников с востока (известных в китайских источниках под именем юечжи²⁴), вытеснивших местные племена с занимаемых ими районов.

Между 141 и 128 гг. до н.э. Греко-Бактрийское царство, ослабевшее в результате междоусобных распрей, экспансии соседней Парфии, захватившей Маргиану и отложения Согдианы, пало под ударом северных кочевников. В их составе китайские и греческие источники называют юечжей и скифские племена, кочевавшие к северу от Яксарта (Сырдарьи) – асиев, пасианов, тохаров, сакараулов (сакаравлов)²⁵. Этноним «асии» «достаточно рано засвидетельствован среди сарматов, а также достаточно надежно определяется в некоторых личных именах из Северного Причерноморья, причем в оформлении, явно указывающим на сармато-осетинскую диалектическую среду»²⁶. Определенное сходство в названии сарматских племен, перешедших, по сообщению Плиния, Танаис (Дон), прослеживается и с названием племен, которые, согласно Страбону, напали на Греко-Бактрию. Это, по мнению Л.А. Ельницкого²⁷, обусловлено

путаницей в определении Танаиса (Дона) и Яксарта (Сырдарьи), характерной для античной литературы со времени Александра Македонского. Однако не исключено, и здесь можно согласиться с А.С. Скрипкиным²⁸, что такая схожесть объясняется сходством этнической номенклатуры этих районов. В настоящее время участие сарматов в разгроме Греко-Бактрии ни у кого, пожалуй, не вызывает сомнений. Кроме того, пребывание сарматов в отдельных областях Средней Азии засвидетельствовано исторической топонимикой и ономастикой. Это топонимы «сармат» (Ташкентский округ), «самат» (Каракалпакия), «сирак» (Заравшан, районы Самарканда, Ташкента и Ферганы) и другие²⁹, названия родов самат и кара-сирак, входящих в каракалпакские племена мюйтен, колдаулы и мангыт³⁰.

Присутствие определенного сарматского, или сарматоидного, элемента во второй половине II в. до н.э. в долине Зерафшана подтверждается и археологическими данными. Среди них – могильные ямы с подбоем или заплечиками, южная ориентировка погребенных, кости передней ноги овцы с лопаткой, около которых или под которыми лежит маленький железный нож, кинжалы с прямым перекрестием и рожковидным или серповидным навершием, некоторые типы пряжек³¹. Не исключается и переселение в Фергану в процессе сакско-юэчжийских передвижек II–I вв. до н.э. каких-либо групп приаральского населения, носителей «сарматоидной» культуры³².

По мнению А.С. Скрипкина³³, вполне вероятно, что «какие-то подразделения сарматов, обитавшие у Аральского моря и северней» в ходе этих событий продвинулись в глубинные районы Средней Азии. Указание античных источников на то, что кочевые племена вторглись в пределы Греко-Бактрии с севера, из-за Яксарта, к северу от которого находились их кочевья, делает наиболее логичным предположение, что сарматские племена, принявшие участие в этом движении на юг, были представлены номадами Южного Зауралья, кочевавшими между восточными отрогами Урала и нижним и средним течением Сырдарьи. В это движение были, вероятно, включены и южнозауральские по своему происхождению племена, осевшие по Яксарту и в Фергане в предшествующее время и успевшие в какой-то степени воспринять традиции местных кочевых и полукочевых народов.

В 129 – 128 гг. до н.э. произошло и вторжение кочевых племен в Парфию, которое может рассматриваться как одно из звеньев того же передвижения кочевников, приведшее к завоеванию Бактрии. Согласно сообщению Юстина (Страбон, XI, 8, 2; Помпей Трог, XLI; XLII) парфянский царь Фраат II (138 – 128 гг. до н.э.) пригласил «скифов» (тохаров) для борьбы с Антиохом VII Сидета. Ко времени появления кочевников в

Парфии Антиох VII был уже разбит парфянами. Не получив обещанной награды, «скифы» принялись грабить земли своего бывшего союзника и объединились с восставшими пленными греками. В борьбе с кочевниками погибли Фраат II и его преемник Артабан II (128 – 123 гг. до н.э.). Нападение «скифов» удалось отбить лишь внуку Фраата Митридату II (123 – 88/87 гг. до н.э.). После поражения часть «скифов» осела в Дрангиане и Сакастане (Сеистане), а другая часть, вероятно, проникла в Бактрию³⁴.

Таким образом, пришельцы с востока в середине – второй половине II в. до н.э. вытеснили, главным образом, на юг, племена нижней и средней Сырдарьи, в том числе и номадов Южного Зауралья, с их зимних пастбищ. В это движение на юг были, возможно, втянуты и номады Южного Приуралья³⁵. Немногочисленное аборигенное население Южного Зауралья было, вероятно, включено в состав пришлых народов и довольно быстро ими ассимилировано. Придя на новое место, кочевники с востока неизбежно должны были воспринять ту систему материального производства, которая существовала здесь до них и была наиболее приспособлена к условиям жизнедеятельности в данном ареале. Иначе говоря, пришлые с востока племена стали кочевать теми же маршрутами, которыми передвигались до этого местные номады, располагаться на тех же самых летних и зимних пастбищах, что, в конечном счете, было обусловлено физико-географическими условиями региона. Поэтому уже со второй половины II в. до н.э. Южное Зауралье становится местом летовок пришедших с востока кочевников, включивших в свой состав и остатки местного населения, и входит в сферу влияния кочевых политических образований Средней Азии.

Эти, а также и более поздние изменения в составе населения, нашли отражение в антропологическом материале. По данным Р.М. Юсупова³⁶, к рубежу и в первые века нашей эры в среде сарматского населения Южного Урала происходит дальнейшее наслоение монголоидной примеси и некоторое изменение антропологического типа. Ряд данных указывает на метисное происхождение этого комплекса признаков, но с иными компонентами, чем те, которые участвовали в формировании ранних сарматов Приуралья.

И последнее, в конце IV в. до н.э. или на рубеже IV – III вв. до н.э. в левобережном Хорезме появляется новая группа скотоводов, для которой были характерны преимущественно подбойные и катакомбные захоронения. По мнению Б.И. Вайнберг, в конце IV в. до н.э. данная группа скотоводов (которую она называет «юечжи», впрочем, не вкладывая в это название конкретного этнического содержания), мигрировала с территории, получившей в литературе названия коридора Хеси, или Ганьсуйского (провинция Ганьсу в современном Китае), в Южное Приуралье. Отсюда

она через плато Устюрт проникает в левобережный Хорезм и в Восточный Прикаспий³⁷. Вскоре после прихода в оазис низовьев Амударьи выходцы из этой группы кочевников захватывают власть в Хорезме и основывают свою династию. С конца II в. до н.э. или рубежа II – I вв. до н.э. эта кочевая династия чеканит собственную монету. Причем тамги на ее монетах близки тамгам на монетах правителей Согда (Самарканда и Бухары) этого же времени. Тамги такого же типа известны в Юго-Западной Монголии, на Устюрте (святилище Байте III) и в Северном Причерноморье³⁸.

Соглашаясь в целом с выводами Б.И. Вайнберг, мы, однако, считаем необходимым внести в них некоторые свои коррективы.

Во-первых, вне всякого сомнения, исходная территория миграции данной группы восточных кочевников находилась где-то в южных областях Саяно-Алтая, в Западной Монголии, Северном Китае или Восточном Туркестане, однако материалы проводимых здесь археологических исследований практически недоступны. Поэтому, на современном этапе исследований вряд ли правомерно так точно, основываясь лишь на смутных данных письменных источников и физико-географических особенностях региона, очерчивать исходный район миграции этих «юечжей» (коридор Хеси, или Ганьсуйский), тем более не вкладывая в это наименование конкретного этнического содержания³⁹.

Во-вторых, судя по материалам погребальных памятников Южного Урала миграция восточных кочевников в этот регион произошла не позднее самого начала IV в. до н.э., возможно, в конце V в. до н.э.

И, наконец, в левобережном Хорезме появляются уже не восточные кочевники («юечжи»), а ранние сарматы Южного Урала, носители прохоровской археологической культуры, в окончательном сложении которой и приняли участие эти мигранты с востока, на что, кстати, указывает и Б.И. Вайнберг⁴⁰. О возможности оседания номадов Южного Урала на границах Хорезма говорят и данные антропологии. По утверждению Л.Т. Яблонского⁴¹, данные краниологии со всей определенностью свидетельствуют об общем (на высоком таксономическом уровне) происхождении сарматских и присарыкамьшских популяций кангюйской эпохи. При этом географическая прародина общего краниологического комплекса лежит за пределами Южного Приаралья и располагается, вероятно, в степях Приуралья и Зауралья савроматского времени.

Примечания

¹ Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстан. степей. Екатеринбург, 1993. С.16.

² Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Юж. Зауралья. Т. II. Ранний же-

- лезный век и средневековье. Челябинск, 2000. С.146–153.
- ³ Гафуров В.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С.244–264; Обельченко О.В. Курганы древнего Согда. Ташкент, 1981. С.25–26.
 - ⁴ Никаноров В.П. Среднеазиатские катафрактары как продукт взаимодействия военных школ Запада и Востока в эпоху раннего эллинизма // Взаимодействие древ. культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза: Материалы методолог. семинара (Археол. изыскания). СПб., 1994. Вып.13. С.47–51; Никонов В.П. Битва при Каррах и парфянская тактика: (к вопросу о степных элементах в военном деле парфян) // Мерв в древней и средневековой истории Востока. Ч. II. Культурное взаимодействие и связи: Тез. докл. науч. конф. Ашхабад, 1991. С.26; Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н.э. // Вооружение и воен. дело древ. племен Юж. Урала. Уфа, 1994. С.130–131; иная точка зрения – Пугаченкова Г.А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. 1966. №2. С.43.
 - ⁵ Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х. Указ. соч. С.128; Садыкова М.Х., Васильев В.Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // Уфим. археол. вестн. Вып. 3. Уфа, 2001. С.66; Мордвинцева В.И. Раннесарматские парадные мечи // Эпоха бронзы и ран. желез. век в истории древ. племен Южнорус. степей: Материалы междунар. науч. конф., посвящен. 100-летию со дня рожд. П.Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997. С.141; Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археол. памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург, 1999. С.126, рис. 4, 2.
 - ⁶ Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х – 80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобереж. Хорезма: (древность и средневековье). М., 1991. Вып.1. С.58.
 - ⁷ История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времен до V в. н.э. М., 1963. С.289.
 - ⁸ Жданко Т.А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане: (некоторые исторические и этнографические проблемы) // История, археология и этнография Сред. Азии. М., 1968. С.279.
 - ⁹ Таиров А.Д. Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тысячелетия до новой эры и расселение ранних сарматов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. V. Кн. 2. С.90–96.
 - ¹⁰ Обельченко О.В. Указ. соч. С.26–27.
 - ¹¹ Косвенные данные позволяют, как считает Б.А. Литвинский, предположить, что это движение кочевников коснулось и Ферганы, во всяком случае Западной (Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Сред. Азии (древность и сред. века). М., 1976. С.54).
 - ¹² История таджикского народа... С.279-283; Буряков Ю.Ф. Южные и западные связи бассейна Средней Сырдарьи в первом тысячелетии до н.э. – первых веках н.э. // Прошлое Сред. Азии. Душанбе, 1987. С.68–69.
 - ¹³ Обельченко О.В. Указ. соч. С.11–12; Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степ. полоса азиат. части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С.108.
 - ¹⁴ У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982. С.105, 115–118; Буряков Ю.Ф., Филанович М.И. Становление городской культуры и этапы ее развития на территории Ташкента // Обществ. науки в Узбекистане. 1979. №3. С.50; Филанович М.И. Культурные взаимодействия оседлого и кочевого мира и формирование архитектурных традиций: (по материалам Шаштепа в Ташкентском регионе) // Взаимодействие кочевых культур и древ. цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.315–316.

- ¹⁵ Под «сарматоидными» мы понимаем, с одной стороны, местные кочевые и полукочевые племена, подвергшиеся интенсивному воздействию кочевых сарматов, и, с другой стороны, осевших на границах оазисов сарматов, воспринявших многие черты культуры местных племен. Характеризуя период III–II вв. до н.э. – III–IV вв. н.э., К.М. Байпаков отмечает, что в это время «процессы «дальних» взаимодействий кочевников и оседлых цивилизаций тесно переплетались с «местными» процессами взаимодействия кочевой, полусоседной и оседлой части племен в рамках одной этнической и социальной структуры» (Байпаков К.М. Археологические исследования в Казахстане и реконструкция процессов взаимодействия скотоводческих культур и оседлых цивилизаций // Вестн. АН КазССР. 1988. № 3. С.33).
- ¹⁶ Горбунова Н.Г. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н.э. // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. 1981. Вып. 22. С.96–97; Литвинский Б.А. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок Памиро-ферганских могильников): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969. С. 64; Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962. С.58–59, 66–68.
- ¹⁷ Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории... С.55.
- ¹⁸ История таджикского народа... С.290–297; Заднепровский Ю.А. Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древ. цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.262; Мандельштам А.М. Античные государства и кочевые племена в Средней Азии // Тез. докл. сессии, посвящен. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С.125.
- ¹⁹ Мандельштам А.М. Некоторые новые данные о памятниках кочевых населения Южного Туркменистана в античную эпоху // Изв. АН ТуркССР. Сер. обществ. наук. 1963. № 2. С.33; Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А. Северная Парфия // Древнейш. государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. С.224.
- ²⁰ Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988 С.163–165.
- ²¹ История таджикского народа... С.301; Филанович М.М. Указ соч. С.316; Скрипкин А.С. Этюды по истории и культуре сарматов: Учеб. пособие. Волгоград, 1997. С.30.
- ²² Ахунбабаев Х.Г. Археологическое изучение Булунгурского района в 1979-1980 гг. // История материал. культуры Узбекистана. 1983. Вып. 18. С.157–158.
- ²³ Ягодин В.Н. Оседлоземледельческая цивилизация древнего Хорезма и кочевники Арало-Каспия. Модели взаимодействия // 100 лет гун. археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и ист. перспективе. Гун. Феномен: Тез. докл. междунар. конф. (часть I). Улан-Удэ, 1996. С.117.
- ²⁴ Употребляя этноним "юечжи", мы понимаем его как собирательный для обозначения этнически неоднородных кочевников южных районов Саяно-Алтая, Западной Монголии, Северного Китая и Восточного Туркестана.
- ²⁵ История таджикского народа... 1963. С.305–309, 342–345.
- ²⁶ Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Централ. Азия в кушан. эпоху. М., 1975. Т. 2. С.79.
- ²⁷ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С.190.
- ²⁸ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С.93.
- ²⁹ Скрипкин А.С. Этюды по истории... С.27.
- ³⁰ Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. С.187.
- ³¹ Обельченко О.В. Лявандакский могильник // История материал. культуры Узбекистана. Ташкент, 1961. Вып.2. С.163–174; Он же. Погребение сарматского типа под Самаркандом // СА. 1967. №2; Он же. Происхождение подбоев и катакомб в курганах

- Согда // Антич. культура Сред. Азии и Казахстана: Тез. докл. Всесоюз. науч. совещания. Ташкент, 1979. С.60–61; Мандельштам А.М. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы совет. археологии. М., 1978. С.140–141; Он же. Кочевое население... С.109.
- ³² Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории... С.55.
- ³³ Скрипкин А.С. Этюды по истории... С.21.
- ³⁴ История таджикского народа... С.344, 361–362; Альбаум Л.И. Фаязтепа и вопр. кушан. археологии // Всесоюз. науч. совещание "Античная культура Сред. Азии и Казахстана": Тез. докл. Ташкент, 1979. С.19; Бернар П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии: (к вопр. этнич. и культур. идентификации) // РА. 1997. № 1. С.73.
- ³⁵ Скрипкин А.С. Этюды по истории... С.21, 29-30.
- ³⁶ Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Уфа, 1991. С.6. (Препринт).
- ³⁷ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VII в. н.э. М., 1999. С.241–249.
- ³⁸ Там же. С.251–252; Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Сред. Азии: (древность и средние века). М., 1976. С. 69–71; Ольховский В.С., Яценко С.А. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устурте (предварит. сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С.303-304, 306-307.
- ³⁹ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана... С.249.
- ⁴⁰ Там же. С.247.
- ⁴¹ Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма: (археология и антропология могильников). М., 1999. С.102.

Светлана НЕЧАЕВА

Роль академических экспедиций XVIII века в освоении и изучении Азиатской России

Исследование и колонизация Азиатской России в XVIII в. прежде всего были связаны с деятельностью правительства и Российской академии наук. РАН осуществляла научное руководство за ходом исследований, проводила необходимое накопление исторических источников, разрабатывала мероприятия по их сбору через академические анкеты, топографические описания и т.п.

Однако главная заслуга РАН в освоении и изучении Азиатской России в целом, и Урала в частности, состояла в организации знаменитых научных экспедиций: двух Камчатских, Оренбургской и трех отрядов Комплексной Академической, последним из которых – наименее изученным – посвящена данная статья.

Инициатором проведения этих экспедиций был выдающийся русский учёный-энциклопедист – М.В. Ломоносов, разработавший целую